

11 СЕН 1979

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

люди искусства

СОБСТВЕННОЙ ДУШИ ЧАСТИЦА

М. МАНУЙЛОВ

Летом нынешнего года в Москве с большим успехом прошли гастроли Свердловского театра оперы и балета имени А. В. Луначарского. После спектаклей москвичи и гости столицы подолгу не отпускали полюбившихся артистов. Но самые радужные, самые щедрые аплодисменты раздавались тогда, когда на сцену выходил молодой художавый человек со скромной улыбкой — дирижер Евгений Колобов. Чем же он так покорила искушенную московскую аудиторию? Думается, прежде всего яркой эмоциональностью, высокой духовностью, умением мгновенно устанавливать тесные контакты со слушателями. Именно эти качества, помноженные на коллективный талант исполнителей, многократно усиленные в пении солистов, в голосах хора, в звучании оркестра, Евгений Колобов щедро дарит людям.

...Судьба стремительно взметнула молодого музыканта на «капитанский мостик» — за пульт главного дирижера оперного театра, но начиналось все достаточно просто и обычно. Когда мальчику исполнилось семь лет и наступила пора идти в школу, его отец случайно прочитал объявление о наборе детей в училище при Ленинградской академической хоровой капелле имени М. И. Глинки. Так Женя Колобов оказался среди четырехсот пятидесяти поступавших. Из них приемная комиссия отобрала лишь двадцать пять наиболее одаренных, в их числе и его. Именно здесь, в училище, откристаллизовались вдумчивое отношение будущего музыканта к любимому искусству, увлеченность им. Великолепная профессиональная основа, заложенная в эти годы, оказалась тем прочным фундаментом, на котором позднее выросли мастерство, исполнительская культура, широта кругозора.

В нынешней дирижерской деятельности Евгения Колобова сплелись нити многих его прежних увлечений. В частности, плодотворно складывается глубокое знание им специфики сольного и хорового пения. Он окончил Свердловскую консерваторию по классу хорового дирижирования, позднее работал главным хормейстером в Бурятском театре оперы и балета в Улан-Удэ. В области хоровой музыки пробовал свои силы и как композитор: два его хора — «Памяти Нечестивого солдата» на стихи М. Танка и «Стихи ветры зимние» на стихи И. Дайниченко — изданы одним из центральных издательств. Пережил Евгений, как и многие его сверстники, и юношеское увлечение эстрадой — некоторое время он успешно выступал в качестве эстрадного певца — исполнителя советских

песен, по путевке комсомола участвовал в большой поездке на остров Сахалин.

Но чем дольше пробует себя юноша в различных областях музыкального искусства, тем с большей силой определяется его тяготение к дирижированию. Еще будучи главным хормейстером Бурятского оперного театра, он поставил там оперы «В бурю» Т. Хренникова, «Чудесный клад» Б. Ямпилова, оперетты «Свадьба в Малиновке» Б. Александрова и другие. В ту пору юноша решает продолжать образование и вновь поступает в Свердловскую консерваторию, на этот раз в класс оперно-симфонического дирижирования к известному советскому дирижеру профессору Марку Паверману. И одновременно начинает работать дирижером Свердловского театра музыкальной комедии, где готовит оперетты «Василий Теркин» А. Новикова, «Будет завтра» А. Флярковского, «Марица» И. Кальмана и другие. Окончив с отличием консерваторию во второй раз, Евгений Колобов получает приглашение в Свердловский театр оперы и балета имени А. В. Луначарского на должность очередного дирижера и за первые годы работы в коллективе осуществляет постановки «Фауста» Ш. Гуно, «Травиаты» Дж. Верди, детской оперы ленинградского композитора Б. Кравченко «Ай да Балда»... В 1977 году он становится главным дирижером театра — в 31 год...

Одна из примет творческой индивидуальности молодого артиста — одержимость. «Вживание» дирижера в исполняемые произведения, когда написанная композитором музыка становится как бы частицей его собственной души, а судьбы оперных героев — его судьбой, заставляет задуматься: по-видимому, перевоплощение, столь привычное в игре драматических актеров, присуще не только им. Когда я спросил у Евгения Владимировича, насколько, по его мнению, верна эта мысль, он ответил:

«Утверждают, что драматический актер прожил за свой век столько жизней, сколько ролей сыграл. То же самое можно, по моему, отнести и к артистам оперным. Леонид Витальевич Собинов прожил ведь не только свою жизнь, но и жизнь Ленского, Вертера, Лоэнгрина... По одной жизни в каждом спектакле, в котором пел. А вот оперный дирижер занимает в этом плане совершенно особое положение: он должен прожить в данном спектакле жизнь всех героев. Не одного, а каждого! В «Евгении Онегине», скажем, не только Онегина, но и Ленского, и Татьяны, и Гренина. Мне думается, что вот это уме-

ние в каждый момент разрывания музыкальной драмы быть одним из ее персонажей и в то же время сопоставлять жизнь героя с судьбой остальных и составляет основу деятельности оперного дирижера».

Драматические коллизии, трагедийные столкновения, которые воплощаются композитором в партитуре, глубоко осмыслены дирижером, осмыслены с позиций художника современной формации. Наверное, именно это делает его музу взволнованной, трепетной, чутко отзывавшейся на все, что происходит на сцене. Так, в «Петре I» увлекает постижение дирижером глубинных черт самого характера музыки Андрея Петрова. В чем оно? И в ощущении щедрых, броских мазков, с помощью которых выстраиваются монументальные формы оперы, и в обостренном восприятии тревожной ритмической пульсации музыки XX века, и в умении слышать «многослойность» партитуры: полифонические эпизоды оперы Колобов проводит мастерски, тщательно взвешивая, какой голос-нить должно выделить на «лицевой стороне» общего рисунка, а какой «притушить», как бы спрятав на изнаночную сторону. Внимательно прослеживая судьбу каждого голоса, воссоздает дирижер многокрасочный «гобелен» сложных полифонических фресок. Широта дыхания, крупный план в нюансировке, стремление «лепить» музыкальные портреты выпукло, объемно отличают эту работу артиста.

Интересно решена Евгением Колобовым «Царская невеста» Н. А. Римского-Корсакова. В обостренности, с какой он интерпретирует образы Марфы, Любаши, Григория Грязного, во всей той тревожной тональности, которая отличает его прочтение спектакля, проявляется стремление осмыслить жемчужину русской оперной классики художником наших дней. Подлинной трагедийностью, широтой симфонических обобщений отмечена трактовка дирижером увертюры, ариозо Любаши из первого действия оперы, арии Марфы из последней картины. Финал спектакля — единый, страстный, взволнованный поток музыки, который властно захватывает аудиторию...

Евгению Колобову всего 33 года. Юношеский пыл и горячий темперамент диктуют ему иногда спорные решения. То он позволяет себе увлечься рискованной перестановкой в «Силе судьбы», и увертюра идет у него после первой картины, отчего оказывается лишенной своей первоначальной драматургической функции (отметим попутно, что в том же спектакле, последовав за режиссером, он неоправданно подчеркивает в сочинении клерикальные моменты); то как музыкальный руководитель постановки оперы «Петр I» соглашается с задуманным режиссером в финале громогласной пальбой, порой заглушающей саму музыку; то неточным окажется аккорд в группе медных инструментов... Но все это не может заслонить от нас основного: в Свердловском театре оперы и балета имени А. В. Луначарского за пультом главного дирижера стоит яркий, даровитый музыкант, художник, завоевавший авторитет, увлеченный за собой труппу. Естественно, так увлечь ее мог только человек, сам до бесконечности увлеченный. И действительно, Евгений Колобов фанатично предан музыке: такую преданность без конца и края, полную самоотдачу он считает изначальным, краеугольным камнем подлинного творчества.

«Однажды, — рассказывает Евгений Владимирович, — я прочитал у какого-то американского писателя, кажется, у О'Генри, мысль о том, что привести лошадь к водопой может и один человек, а заставить ее пить, если она не хочет, не смогут и сто. Только жажда. Так и в искусстве — ни надбавки к зарплате, ни повышение тарификации, ни престижные регалии не могут побудить артиста жить жизнью своего героя, это может сделать только огромная жажда творчества, стремление поведать слушателю о каком-то новом, лишь тобой найденном ракурсе в понимании судеб оперных персонажей».

С такой неумейной жаждой творчества живет и сам Евгений Колобов, живет, чтобы взволнованным языком своего искусства поведать о любви и ненависти, о верности и предательстве — обо всем том, что есть жизнь. Живет, чтобы снова и снова щедро дарить себя людям.

● Дирижер Е. Колобов.
Фото А. Рубашкина.